

родами. Ибо хотя их владения разрушились и языки из общенародного употребления вышли; однако из самых развалин, сквозь дым, сквозь звуки в отдаленных веках, слышен громкий голос писателей, проповедающих дела своих героев... Кто о Гекторе и Ахиллесе читает у Гомера без рвения? Возможно ли без гнева слышать Цицеронов гром на Катилину?..» и т. д. Те же явления наблюдает Ломоносов в современности. Он пишет («О нынешнем состоянии»): «Коль полезно человеческому обществу в словесных науках упражнение, о том свидетельствуют древние и нынешние просвещенные народы. Умолчав о толь многих известных примерах, представим одну Францию, о которой по справедливости сомневаться можно, могуществом ли больше привлекла к своему почитанию другие государства, или науками словесными, очистил и украсил свой язык трудолюбием искусных писателей». В том же плане обосновывает Ломоносов и пользу других искусств.

В «Слове благодарственном» 1764 года он намечал такую программу работы русской скульптуры и живописи: «Скульптурного художества удобообращательные мыщды, оживляя металл и камень, представят виды героев и героинь российских в благодарность заслуг их к Отечеству, в пример и в поощрение потомкам к мужественной добродетели. Живописная хитрости зиждительные персты, отменой цветов, света и тени возвышая равную плоскость похвальным обольщением зрения, пренесут в настоящее время минувшие российской деяния показать древнюю славу праотцев наших, счастливые и противные обращения и случаи, и тем подать наставление в делах, простирающихся к общей пользе». Задачи исторического повествования, как вида литературы, и, попутно, такие же задачи литературы вообще указаны Ломоносовым во Вступлении к его «Древней российской истории»: «Она дает государям примеры правления, подданным повиновения, воинам мужества, судиям правосудия, младым старых разуму, престарелым сугубую твердость в советах, каждому незлобивое увеселение с несказанною пользою соединенное. Когда вымышленные повествования производят движение в сердцах человеческих, то правдивая ли история побуждать к похвальным делам не имеет силы, особливо ж та, которая изображает дела праотцев наших?».

Эстетическое мировоззрение Сумарокова также зиждется в значительной мере на требовании от искусства гражданской и этической пользы. Но если Ломоносов обосновывает цель искусства по преимуществу пользой государства, как целого, — Сумароков выдвигает вперед моральную цель искусства, его воспитующую роль по отношению к отдельному гражданину и человеку. Поэзия служит государству — таков основной тезис Ломоносова; поэзия служит обществу, воспитывая добродетельных людей и доблестных